

УДК 930.2:008 (477.75)

Филимонов Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

e-mail: filimonov.47@list.ru

«ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА»: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТАТЬИ-НЕКРОЛОГИ
ПИСАТЕЛЯ К.А. ТРЕНЕВА И МАТЕМАТИКА М.Л. ФРАНКА 1920 ГОДА,
ПОСВЯЩЕННЫЕ КРЫМСКОМУ ДОКТОРУ К.А. МИХАЙЛОВУ

Аннотация. Автор, много лет занимаясь разысканиями в области источниковедения истории интеллигенции, науки, и культуры в Крыму в годы Гражданской войны, на страницах симферопольской газеты «Южные ведомости» за 1920 год выявил и атрибутировал две статьи-некролога, принадлежавшие К.А. Треневу и М.Л. Франку и посвященные памяти замечательного крымского земского врача Константина Александровича Михайлова (1872–1920). Републикация этих оставшихся малоизвестными статей предлагается вниманию читателей.

Ключевые слова: Крым, Гражданская война, земская медицина, Таврический университет, В.И. Вернадский, К.А. Михайлов, К.А. Тренев, Г.М. Франк, И.М. Франк, М.Л. Франк.

Sergey Borisovich Filimonov, Doctor of Historical Sciences, Professor, chief of the Department of Russian History, Institute "Tavricheskaya Academy", V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

e-mail: filimonov.47@list.ru

“IN MEMORY OF MAN”: LITTLE-KNOWN OBITUARY ARTICLES OF
WRITER K.A. TRENEVA AND MATHEMATICIAN M.L. FRANK 1920,
DEDICATED TO THE CRIMEAN DOCTOR K.A. MIKHAILOV

Abstract. The author, having spent many years researching the source studies of the history of the intelligentsia, science, and culture in Crimea during the Civil War, found and attributed two obituary articles on the pages of the Simferopol newspaper *Yuzhnye Vedomosti* for 1920, which belonged to K.A. Trenev and M.L. Frank and were dedicated to the memory of the remarkable Crimean zemstvo doctor Konstantin Aleksandrovich Mikhailov (1872-1920). The republication of these articles, which remained little-known, is offered to the attention of readers.

Key words: Crimea, Civil War, zemstvo medicine, Tauride University, V.I. Vernadsky, D.E. Mikhailov, K.A. Trenev, G.M. Frank, I.M. Frank, M.L. Frank.

19 (6) мая 1920 года в Кореизе умер Константин Александрович Михайлов (1872–1920), известнейший в Крыму земский доктор, с 1907 года – главный врач Кореизской больницы, ставшей одной из лучших земских больниц Российской империи. Умер, что называется, на боевом посту: он вылечил от сыпного тифа академика Владимира Ивановича Вернадского, а сам, заразившись от него, скончался. Кончину Константина Александровича оплакивала, без преувеличения, вся Россия, что нашло отражение в многочисленных некрологах, появившихся на страницах крымских, московских и парижских эмигрантских изданий. Но, как выясняется, отнюдь не все из них к настоящему времени выявлены и введены в научный обиход.

Так, работая с издававшейся в годы Гражданской войны в Симферополе газетой «Южные ведомости» (газета эта давно стала библиографической редкостью), я наткнулся на опубликованные на ее страницах 14 (27) июня 1920 года, на 40-й день кончины К.А. Михайлова, две эмоционально, с сердечной болью написанные статьи-некрологи, принадлежавшие, как удалось установить, известным деятелем отечественной науки и культуры – математику М.Л. Франку и писателю К.А. Треневу. В 2014 году эти статьи-некрологи были републикованы в симферопольском журнале «Православие и медицина» [Филимонов, 2014]. Вероятно, в связи с отсутствием в РИНЦ полного текста указанной републикации, она не была замечена А.В. Карагодиным и

М.М. Петровой, авторами опубликованной в 2020 году обобщающего характера статьи о К.А. Михайлове [Карагодин, Петрова, 2020]. (Увы, в эту статью вкралась досадная опечатка: датой кончины К.А. Михайлова значится не 19 мая, а 19 ноября 1920 года [Карагодин, Петрова, 2020, с. 134]). По этой причине ниже вниманию читателей предлагается повторная републикация оставшихся малоизвестными статей-некрологов 1920 года (теперь уже в издании, входящем в базы РИНЦ), предисловие к которой дополнено новой информацией.

Итак, первая из статей-некрологов, посвященная памяти К.А. Михайлова, озаглавлена «Памяти Человека» и подписана так: М. Франк [Франк, 1920]. Анализ содержания статьи позволяет утверждать, что автором ее являлся Михаил Людвигович Франк (1878-1942). Ведь известно, что он с конца 1917 года по 1932-й жил и работал в Крыму, поначалу в Алушке, в Управлении по проектированию строительства в Голодной степи, а в 1919-1932 гг. – в Симферополе, где в университете преподавал математику. (Замечу, что в 1918-1921 гг. этот вуз назывался Таврическим университетом, в 1921-1925 гг. – Крымским университетом, в 1925-1972 гг. – Крымским педагогическим институтом).

М.Л. Франк – отец двух сыновей, ставших выдающимися учеными: Глеба Михайловича (1904-1976) – биофизика, в 1921-1925 гг. – студента Крымского университета, впоследствии – академика АН СССР, лауреата двух Сталинских премий (1949, 1951) и Государственной премии СССР (1978), и Ильи Михайловича (1908-1990) – физика, академика АН СССР, лауреата Нобелевской премии (1958), двух Сталинских премий (1946, 1953) и Государственной премии СССР (1971) [Ена, 2008].

Вторая статья, озаглавленная «Благоуханная душа», подписана псевдонимом: К.Т. [К.Т., 1920]. Анализ содержания статьи позволяет утверждать, что автором ее был Константин Андреевич Тренев (1876-1945), известный писатель и драматург. Вот, какие аргументы в пользу выдвинутой гипотезы можно привести. Во-первых, из знаменитого «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова явствует, что у К.А. Тренева был и такой псевдоним – К.Т.

Во-вторых, из анализируемой статьи явствует, что ее автор проживал в Симферополе, – а К.А. Тренев в 1920 году жил именно в этом городе. В-третьих, из статьи явствует, что у ее автора зимой 1920 года болел малолетний сын, – а у К.А. Тренева был сын Виталий, 1908 года рождения. Наконец, автор статьи, по его словам, «переслал ему (К.А. Михайлову. – С.Ф.) одну из своих книжек», – а К.А. Тренев к 1920 году, ко времени написания анализируемой статьи, был уже известным писателем. Остается добавить, что статья «Благоуханная душа» не значится ни в одном из нескольких изданных к настоящему времени списков публикаций К.А. Тренева и оставалась, таким образом, неизвестной биографам и почитателям таланта писателя.

Завершая предисловие, автор считает необходимым напомнить читателям о таком впечатляющем факте из биографии К.А. Михайлова. На Мисхорском кладбище на могиле ученого-этнографа Е.П. Радаковой в 1913 году был установлен памятник, выполненный А.С. Голубкиной. Знаменитый скульптор вырубил из мрамора изображение Христа. Моделью для горельефа послужил доктор Михайлов [Карагодин, Петрова, 2020, с. 125].

В процессе ознакомления с нижерепубликуемыми статьями-некрологами, посвященными памяти К.А. Михайлова, приходит убеждение в том, что избрание этого Человека в качестве модели для горельефа с изображением Христа было промыслительным.

* * *

40-й день кончины К.А. Михайлова

Памяти Человека

Для всех, кто не знал погибшего от сыпного тифа доктора Михайлова, его смерть представляется как печальная жертва врачебного долга – и только. Но к таким жертвам жизнь до того приучила нас за последнее время, что еще одно известие такого рода вызовет в читателе вздох сочувствия... и будет забыто через час. Для всех же, кто знал и любил Константина Александровича, – а знать и не любить его было немыслимо, – его смерть является ужасной утратой, тяжелым несчастьем. При этом я думаю не об его осиротелой семье, не об его

ближайших друзьях и сотрудниках по больнице, земству, земскому союзу, народному дому и всех прочих учреждениях, в которых работал покойный, отдавая работе свою душу. Что эти люди все в отчаянии – в этом нет ничего удивительного. Но я думаю о любом татарине-извозчике, едущем по южному берегу, о любом торговце и крестьянине в Гаспре, Кореизе, Мисхоре, Алушке, которые все искренне плачут по поводу смерти Константина Александровича.

Я был знаком с К.А. немного более двух лет. Помню, как вскоре после моего приезда на южный берег в конце 1917 г. в одну из первых поездок на линейке из Ялты в Алушку нам встретился автомобиль земского союза с красным крестом. Кучер и часть пассажиров поклонились и тотчас же кто-то начал рассказывать про замечательного доктора Михайлова. Рассказывали про то, как он делал удачные операции, когда все остальные врачи считали положение безнадежным, как он умеет утешить и ободрить больного, рассказывали об его бескорыстии, неутомимой энергии и доброте. И много раз потом случалось, что темой разговора на линейке или извозчике служил доктор Михайлов, причем обычно какой-нибудь татарин начинал говорить: «Это такой доктор, такой доктор»... и, не находя слов, умолкал.

Когда впоследствии мне случалось ехать из Ялты в Кореиз вместе с К.А., я наблюдал, как на лицах всех встречных, из которых громадное большинство кланялось ему, вспыхивала радостная улыбка. Ясно было, как от встречи с ним у всех на душе становилось светлее и радостнее.

Более того, – мне не раз приходилось наблюдать, как, проезжая мимо белых домов корейской больницы, которую обычно называют «Михайловской», взоры пассажиров обращались к горке, на которой стоит больница и дом, где жил покойный. И, несомненно, все, кто знал Константина Александровича, ощущали приблизительно одно и то же чувство облегчения: «Вон там живет Михайлов, значит, не так еще все плохо, не так ужасна жизнь, если в самом деле существует на свете Михайлов».

И много раз, когда я, проходя или проезжая мимо Михайловского дома, почему-либо не имел возможности зайти туда, мне было грустно, что я не смогу посмотреть на К.А., но вместе с тем я испытывал это хорошее чувство:

«Можно еще жить на свете, раз жив Михайлов».

Имя К.А., может быть, не попадет в энциклопедический словарь. Для этого он не был ни профессором, ни лидером партии или министром, не был и литератором. Не был, да и не мог быть, но вовсе не по недостатку способностей и таланта. У него просто не было никакого стремления выдвигаться вперед, занимать первые места.

Он был только земским врачом, но на операции к нему стремились попасть богатые люди, которые могли позволить себе пригласить знаменитого профессора. Благодаря его личному обаянию, он получал пожертвования на кореизскую больницу, и выстроенные и оборудованные им корпуса, как говорят специалисты, могли бы выдержать сравнение со многими университетскими клиниками.

Он был только земским деятелем, только скромным культурным работником, но для ялтинского земства, для земского союза, для кореизского народного дома, для высшего начального училища в Кореизе он сделал так много, с такой энергией, которую он, несмотря на слабость своего здоровья, черпал из неистощимого источника своей души.

Константин Александрович не был лидером партии. Он был заурядным членом партии к[онституционных] д[емократов] и убежденным противником других партий. Политические убеждения его не были случайного происхождения. Как во всех своих взглядах и поступках, К.А. был прежде всего «интеллигентом» в том лучшем смысле этого слова, как его понимал Глеб Успенский, т.е. человеком, у которого линия поведения определяется велениями совести, так и политические свои взгляды он основывал на глубоком уважении человеческой личности, на признании ее абсолютной ценности. Естественно, что поэтому он не был и не мог быть партийно нетерпимым; он всегда со своей открытой, большой душой шел навстречу человеку, независимо от его партийной принадлежности. И надо отдать справедливость, что его политические противники любили и уважали его не меньше, чем его политические друзья.

К.А. не был литератором, хотя его внутреннего душевного содержания хватило бы на много томов...

Есть много общего в духовном облике К.А. и другого безвременно погибшего врача – общественного деятеля Андрея Ивановича Шингарева (один из лидеров кадетской партии; осенью 1917 года был заключен большевиками в Петропавловскую крепость и в январе 1918 года убит. – С.Ф.).

После Шингарева осталось одно маленькое литературное произведение – его дневник, написанный в Петропавловской крепости. Но при малых размерах его оно поистине потрясающе. И, может быть, найдутся и после К.А. какие-нибудь маленькие заметки, дневники или письма, которые окажутся столь же ценными, как дневник Шингарева.

Таких людей, как Михайлов, от которых словно исходят какие-то светлые теплые лучи, в былое время называли «Божьими», «светлыми» людьми. И сейчас на южном берегу уже передают из уст в уста, что К.А. не случайно скончался накануне Вознесения: его светлая душа в тот же день вознеслась на небо.

Пусть имя К.А. и не попадет в энциклопедический словарь.

Но если бы нашелся талант, который написал бы книгу о Михайлове, написал бы так, чтобы с ее страниц повеяло на нас неземною чистотой, бесконечной добротой, поразительной душевной прямоотой, необыкновенным сочетанием энергии и твердости с женственной мягкостью, чтобы перед глазами нашими воскресла незабываемая улыбка Константина Александровича, – то книга эта была бы очень ценна для человечества.

В наше ужасное, темное время можно жить только потому, что еще мерцают кой-где огоньки душ отдельных людей. И страшно становится, когда гаснет один из самых ярких огоньков.

Для того, чтобы не погибнуть во мраке, надо хранить хотя бы воспоминание об его чудном свете.

Не будем же забывать Константина Александровича.

М. Франк

* * *

Благоуханная душа

Я увидел его в первый раз совсем недавно: прошлой зимой у себя в комнате, где стояли рядом кровати двух серьезно больных: моя и моего сына. Он изъявил желание посетить нас.

Я увидел его хрупкую фигуру с непередаваемо изящными манерами, его нервное прекрасное лицо, осиянное мягким глубоким светом глаз.

Со мной он мало говорил. Он сел на постель к моему сыну, поставил ему грозный диагноз, и затем у них завязался увлекательный интимный разговор.

Вначале я принял этот разговор за обычный разговор врача с больным ребенком.

Сколько врачей пришлось видеть у постели своего сына. У некоторых из них есть такой прием – подойти к пациенту-ребенку, умалившись, как дитя, затронув его детские интересы и радости. Прием «наигранный», целесообразный, иногда согретый чувством.

Разговор К.А. с мальчиком я было счел за такой прием.

Но в этом разговоре, затянувшемся на добрых полчаса, зазвучали иные ноты: доктор и пациент, увлекая друг друга, тихо, интимно делились впечатлениями от экскурсии по морскому берегу, от спуска на море детских лодок (у моего и К.А. сыновей тут оказалась общая страсть) и пр. Я увидел, что все это лишено терапевтической целесообразности, и нужно его детской душе.

Он ушел, оставив в моей душе ту большую, редкую радость, какую дает нам только подлинная, исключительная красота.

Я непрошено переслал ему одну из своих книжек, ждал встречи с ним, и он в течение весны, бывая в Симферополе, еще раза два зашел ко мне, мимоходом, торопясь. И оставалось такое впечатление, как будто в комнате побывал кто-то с цветами в руках. Цветы унесены, остался только благоуханный волнующий след.

Таковы мои первые и последние, мимолетные впечатления от этого человека. В моей жизни они единичны. Я не знаю, как изменились и пополнились бы они, если бы я узнал его ближе. Но это не судилось; и цветы больше не будут принесены. И когда я пишу об этом, мне неудержимо хочется рыдать.

К.Т.

Южные ведомости. Симферополь, 1920. 14 июня. № 128.

Список литературы и источников

1. Ена В.Г. Три крымских Франка (крымские страницы жизни профессора М.Л. Франка и его сыновей: академика Г.М. Франка и академика И.М. Франка) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Биология, химия». Симферополь, 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 10–17.
2. Карагодин А.В., Петрова М.М. Супруги Михайловы – земские врачи и филантропы на Южном берегу Крыма: биография в контексте эпохи // Человек и культура. 2020. № 6. С. 124–140.
3. К.Т. Благоуханная душа // Южные ведомости (Симферополь). 1920. 14 июня. № 128.
4. Филимонов С.Б. «Благоуханная душа»: доктор Константин Михайлов в малоизвестных статьях-некрологах Константина Тренева и Михаила Франка // Православие и медицина. Симферополь, 2014. № 2 (21). С. 39–42.
5. Франк М. 40-й день кончины К.А. Михайлова. Памяти Человека // Южные ведомости (Симферополь). 1920. 14 июня. № 128.